

К. Росс*

РОССИЙСКИЙ СРЕДНИЙ КЛАСС: АГЕНТ ДЕМОКРАТИИ ИЛИ ОПЛОТ КОНСЕРВАТИЗМА?¹

Аннотация. В статье анализируются политические ценности российского среднего класса и, в частности, степень поддержки им демократии. Отмечается, что средний класс не монолитный: профессиональные, демографические и территориальные различия размывают его внутреннюю солидарность, что, в свою очередь, ставит под сомнение его способность выступать в роли катализатора демократических изменений. Главный же водораздел пролегает между теми его представителями, которые работают на государство, и теми, кто занят в частном секторе экономики. В противоположность точке зрения, согласно которой российский средний класс является авангардом демократии и основным источником оппозиции режиму, автор доказывает, что в своем большинстве средний класс поддерживает В. Путина и при возможности выбора предпочитает поддержание статус-кво, а не чреватую непредсказуемыми последствиями смену режима.

Ключевые слова: Россия; средний класс; демократия; политические ценности; социальная солидарность.

* **Росс Камерон**, преподаватель Университета Данди (Шотландия), глава Европейского института безопасности и права (Центр Жана Моне), главный редактор журналов «Европейская политика и общество» (издательство «Routledge, Taylor and Francis») и «Российская политика» (издательство «Brill Academic Publishers»).

Ross Cameron, Reader in Politics and International Relations, University of Dundee; Host of the European Institute for Security and Justice A Jean Monnet Centre of Excellence; editor of the Journal European Politics and Society (Routledge, Taylor and Francis); Chief Editor of the Journal Russian Politics (Brill Academic Publishers).

¹ Статья написана специально для журнала «Политическая наука».

C. Ross
The Russian middle class:
Agent of democracy or bastion of the status-quo?

Abstract. The paper examines the political values of the Russian middle class and in particular, middle class support for democracy. The study demonstrates that middle class is not a homogeneous and cohesive body. Occupational, demographic and spatial divisions have weakened the solidarity of the middle class and questioned its role as a catalyst for democratic change. A crucial divide here is between those members of the middle class who depend on the state for their livelihood and those who work in the non-state sectors of the economy. In contrast to those scholars who see the Russian middle class as a bastion of democracy and a major source of opposition to the Putin regime, this analysis demonstrates that a majority of the members of the middle class support the regime and given the choice will opt for the status quo over the uncertainties of regime change and revolutionary upheavals.

Keywords: Russia; middle class; democracy; political values; solidarity.

В декабре 2011 г. в России «взорвался долго дремавший вулкан социальной активности» [Petrov, 2012]. Волна массовых протестов прокатилась сначала по столице, а затем и по ряду регионов. Для руководства страны это было шоком. После десятилетней «спячки» гражданское общество начало пробуждаться, причем на передовых позициях в борьбе с режимом оказались представители среднего класса. Как писал Д. Дженсен, «после долгих лет апатии появилась новая социальная сила – российский средний класс, подвергающий политическому и нравственно-эмоциональному отрицанию коррумпированное авторитарное государство В. Путина» [Jensen, 2013, p. 1].

Но были ли эти акции восстанием среднего класса? Действительно ли его представители привержены демократическим ценностям в большей степени, нежели другие классы? Единодушны ли его социальные и профессиональные страты? В этой статье я попытаюсь доказать, что российский средний класс отнюдь не един, но разобщен, разбит на отдельные профессиональные, демографические и территориальные группы, и это ставит под сомнение его способность выступать в роли катализатора демократических изменений. И главный водораздел лежит между теми его представителями, которые получают свой доход, работая на государство, и теми, кто занят в негосударственном секторе экономики.

Определение среднего класса

Среди исследователей нет согласия относительно критериев принадлежности к среднему классу. Сводный индекс Т. Малевой и Л. Овчаровой, включавший поначалу четыре основных показателя – 1) образование; 2) трудовой статус и экономическая деятельность; 3) доходы, имущество, жилье, сбережения; 4) уверенность в социально-экономическом положении [Малева, Овчарова, 2008, с. 20], – в ходе работы был преобразован авторами в трехзначный: 1) материально-имущественный фактор, 2) социально-профессиональный, 3) субъективный. Если человек (или домохозяйство) отвечает всем трем критериям, он считается принадлежащим к *ядру* среднего класса, отвечающий двум из них – к *полуядру*, или *обобщенному среднему классу* (ядро + полуядро), отвечающий только одному – к *периферии* [там же, с. 69–70]. Согласно Малевой и Овчаровой, несмотря на негативные последствия мирового экономического кризиса, доля российских домохозяйств, относимых к среднему классу по материально-имущественному критерию, возросла с 21,2% в 2000 г. до 28% в 2011 г., а доля по социально-профессиональному признаку снизилась незначительно – с 21,9 до 20,8%. Доля причисляемых к среднему классу по признаку самоидентификации уменьшилась в 2000–2004 гг. с 39,5 до 15,9%, но к 2011 г. увеличилась до 25,2%. Что касается внутренней градации, то в 2011 г. к ядру среднего класса можно было причислить только 5% домохозяйств (в 2000 г. – 6,9%), а к полуядру – 10% [Малева, Овчарова, 2008, с. 84; Овчарова, 2013, с. 10].

Большинство опросов российского среднего класса проводились в последние годы М. Горшковым и Н. Тихоновой [Средний класс, 2014; Тихонова, 2016]. Для идентификации среднего класса ими использованы четыре критерия: 1) уровень образования; 2) профессиональный статус; 3) уровень благосостояния; 4) самоидентификация [Средний класс, 2014, с. 9]. Респонденты, отвечающие всем четырем критериям, отнесены к *ядру* среднего класса, остальные – к *периферии ядра*. Согласно опросам (табл. 1), в 2003–2008 гг. ядро расширилось с 11 до 14% от численности населения, затем, в ходе экономического кризиса 2009 г., ужалось до 11% и в 2015 г. вновь увеличилось до 18%. К периферии в 2015 г. принадлежали 26% населения.

Таблица 1

**Колебания размера российского среднего класса
в 2003–2015 гг.**

Год	Ядро среднего класса (%)	Периферия среднего класса (%)
2003	11	18
2008	14	20
2009	11	15
2011	15	18
2013	18	24
2015	18	26

Источник: [Средний класс, 2014, с. 12; Тихонова, 2016, с. 4].

Территориальные вариации

Большинство исследований среднего класса, включая вышеупомянутые, основаны на общероссийских опросах, которые ничего не говорят о ситуации в отдельных регионах. Между тем численность среднего класса сильно варьируется от региона к региону и зависит от уровня социально-экономического развития территории и структуры ее экономики. В целом чем выше уровень социально-экономического развития (и урбанизации), тем выше доля среднего класса. Ниже всего она в Дальневосточном, Сибирском и Северо-Кавказском федеральных округах, выше всего – в Центральном, Приволжском и Северо-Западном [Gontmakher, Ross, 2015, p. 273].

Численность среднего класса зависит также от величины населенного пункта. Как показала Н. Зубаревич, города с населением более 500 тыс. существенно отличаются в социально-экономическом отношении от более мелких населенных пунктов [Zubarevich, 2013, p. 9]: большие города богаче, а их жители образованнее, моложе и мобильнее. Опрос 2006 г. показывает, что в целом к среднему классу принадлежит 22% городского населения России. Однако для городов с населением от 250 тыс. до 1 млн человек этот показатель составляет 24%, а для «миллионников» – 28%; в Санкт-Петербурге и Москве – соответственно 40 и 50% [Городской средний класс, 2006, с. 54].

Как показывает Н. Зубаревич, на маленьких городах более заметна печать советской эпохи. В них больше работников физи-

ческого труда и занятых в госсекторе, особенно на низкоквалифицированных позициях. Здесь обычно невелико число занятых малым бизнесом – в силу низких доходов потребителей либо из-за искусственных барьеров, создаваемых чиновниками и близкими к ним бизнес-кланами. Такие города в наибольшей степени пострадали от промышленного спада 2008–2013 гг., притом что никуда не исчезли и проблемы, связанные с низким уровнем конкуренции. В городах с населением менее 250 тыс. человек доля среднего класса составляет в среднем 13% [Городской средний класс, 2006, с. 10].

В региональных столицах и административных центрах доля среднего класса выше. В целом чем удаленнее город от регионального центра, тем меньше в нем представителей среднего класса. Ядро последнего (управленцы, специалисты с высшим образованием, предприниматели) также концентрируется в основном в больших городах и региональных административных центрах.

Отражается на численности различных слоев среднего класса и соотношении государственного и частного секторов, неодинаковое в разных регионах. Следует также отметить, что зарплата работников госсектора в таких сферах, как образование, здравоохранение, социальное обеспечение, коммунальные услуги и пр., обычно ниже средней [Gontmakher, Ross, 2015, p. 274].

Модернизация, средний класс и демократия

Принято считать, что между ростом среднего класса и развитием демократии существует динамическая корреляция и даже причинно-следственная связь. Пионерские работы Б. Мура, С. Липсета и С. Хантингтона подчеркивают важнейшую роль среднего класса в становлении и поддержании демократии. Как утверждал Б. Мур, «нет буржуазии – нет демократии» [Moore, 1966, p. 418]. Согласно этой концепции, как только средний класс приобретает определенную экономическую мощь, у него возникает заинтересованность в «стабильности, верховенстве закона и демократических процедурах»: он быстро осознает, что «лучший способ защитить приобретенные блага и права от произвола и неумеренных притязаний со стороны власти – это выстроить по отношению к ней систему сдержек и противовесов» [Goldman, 2006, p. 322].

Признавая роль среднего класса в экономическом развитии, в 2008 г. власти РФ обещали увеличить его долю к 2020 г. до 60–70% [Remington, 2010, p. 22]. Согласно прогнозу Центра стратегических разработок, в 2019 г. средний класс составит 45% взрослого населения страны, а в больших городах – более 60% [Russian state... 2012, p. 75, 82]. Однако если взгляды «классической» школы верны, то попытки российского руководства подхлестнуть модернизацией экономический рост могут посеять семена, всходы которых приведут к разрушению режима.

Согласно теории модернизации, по мере того как страны урбанизируются, а их население становится богаче и образованнее, они, как правило, все более демократизируются [Dickson, 2010, p. 293]. При этом, как пишет Цз. Чен, экономическое развитие «превращает систему социальной стратификации из пирамидальной, в которой большинство населения принадлежит к бедным низшим слоям, в ромбовидную, в которой большинство принадлежит к относительно зажиточному среднему классу» [Chen, 2013, p. 151]. Как неизбежное следствие этих изменений, средний класс начинает подталкивать авторитарные режимы к демократизации, а после утверждения демократии – отстаивать демократические ценности.

Как отмечает Л. Даймонд, модернизация «ведет к фундаментальному сдвигу в сторону демократических ценностей», а также «увеличивает средний класс и повышает уровень образованности и информированности широких слоев населения» [Diamond, 2008, p. 99]. По мере того как люди становятся более зажиточными и информированными, «они обретают большую осведомленность и уверенность в политических делах, большую склонность к участию в политике, к самостоятельному решению собственных проблем и, следовательно, к освобождению от патрон-клиентских связей» [ibid., p. 99].

Более того, как показали Р. Инглхарт и К. Вельцель, в процессе модернизации в социуме возникают и повышают свое значение «эмансипационные ценности»: «приоритет равенства над патриархальностью, терпимости – над подчинением, автономии – над властью, права на самовыражение – над безопасностью». Граждане требуют гражданских и политических прав, составляющих суть либеральной демократии [Inglehart, Welzel, 2005, p. 152].

Эти постулаты подразумевают, что среднему классу присущ определенный набор ценностей и стремлений, отличающий его одновременно как от более, так и от менее состоятельных слоев общества. И действительно, опросы подтверждают, что в общемировом масштабе средний класс более других страт склонен поддерживать демократию. Так, согласно результатам исследования, проведенного в 13 странах независимым исследовательским центром Пью, респонденты, принадлежащие к среднему классу, придают «больше значения демократическим институтам и индивидуальным свободам... придерживаются более либеральных взглядов в вопросах социальной политики, больше заботятся о состоянии природы, чем представители низших классов». Кроме того, они чаще, чем другие респонденты, высказываются «за свободные и честные выборы, честный суд, свободу слова, свободу прессы, свободу совести» [The pew global attitudes project, 2009, p. 5]. Точно так же авторы исследования о связи между численностью среднего класса и уровнем демократии в 87 странах пришли к выводу, что «экономическое развитие способствует росту среднего класса, а это, в свою очередь, благоприятствует повышению уровня демократии» [Doorenspleet, 2002, p. 51].

Но везде ли и всегда ли средний класс поддерживает демократические ценности? Цз. Чен вслед за А. Гершенкроном¹ доказывает, что отнюдь не во всех странах эта тенденция носит линейный характер. По его словам, эффект модернизации сильно различается «в странах ранней (Великобритания) и поздней индустриализации (Россия)» [Chen, 2013, p. 152]. В частности, Цз. Чен утверждает, что роль государства в возникновении и формировании среднего класса была гораздо выше в развивающихся странах, чем в странах ранней индустриализации [ibid., p. 152]. Кроме того,

¹ Александр Гершенкрон (Alexander Gerschenkron; 1 октября 1904 г., Одесса – 26 октября 1978 г., Кембридж, шт. Массачусетс) – американский экономист и историк российского происхождения. Известен прежде всего трудом «Экономическая отсталость в исторической перспективе» (Economic Backwardness in Historical Perspective, 1962). Он сформулировал, в частности, «эффект Гершенкрона»: темпы роста индекса, исчисляющего объем выпуска промышленности в относительно неиндустриализованной стране, в значительной степени определяются выбором базового года. А. Гершенкрон доказал, что показатели промышленного производства в СССР в 1930-е годы рассчитывались советскими плановыми органами так, чтобы продемонстрировать максимальные темпы роста. – *Прим. переводчика.*

Цз. Чен и Ч. Ли, подчеркивая, что «теория модернизации предполагает наличие линейных причинно-следственных связей» (социально-экономическая модернизация способствует росту среднего класса, а тот, в свою очередь, начинает бороться за демократию), предлагают более сложный, «вероятностный», подход, согласно которому взаимоотношения между экономическим развитием и демократизацией носят «динамический» характер [Chen, Lu, 2011, p. 706]. В то время как линейный подход постулирует, что в процессе модернизации средний класс практически неизбежно занимает продемократические позиции, вероятностный подход предполагает, что политические симпатии среднего класса зависят от специфики социально-политических и социально-экономических условий каждой страны. К числу таких условий относятся «зависимость среднего класса от государства, его социальное самочувствие, политические связи с другими классами, классовая сплоченность, страх перед политической нестабильностью» [ibid., p. 706].

Вслед за Б. Муром следует признать, что буржуазия поддерживает демократию только тогда, когда чувствует себя «в состоянии защитить собственные интересы в противостоянии с традиционными землевладельцами, городским рабочим классом и традиционными правителями», – но когда буржуазия слаба, «она, защищая свои интересы, будет стремиться к союзу с государством» [Gill, 1998, p. 310]. Д. Рюшемайер, Э. Стифенс и Дж. Стифенс также отмечают, что буржуазия нередко «противодействует расширению политического участия рабочего класса и вступает в антидемократические альянсы с земельной аристократией» [Rueschemeyer, Stephens, Stephens, 1992, p. 17]. Так, средний класс приветствовал установление авторитарных режимов в Бразилии, Аргентине и других латиноамериканских странах в 1970-е годы [Chen, 2013, p. 8], поддерживал авторитарных правителей в Сингапуре, Малайзии, Индонезии и Таиланде – пока совпадали их ключевые экономические интересы [Chen, 2010, p. 336]. По свидетельству Цз. Чена, в современном Китае средний класс, находясь в сильной зависимости от государства, «настроен, похоже, еще менее демократически, чем остальные классы» [ibid., p. 339].

Средний класс или средние классы?

Одна из причин того, что средний класс не всегда и не везде поддерживает демократию, – его неоднородность. Средний класс формируется не только буржуазией, но и другими стратами. Например, внутри китайского среднего класса Ч. Ли выделяет три кластера: «1) экономический (частные предприниматели, городской малый бизнес, агропромышленники и богатые фермеры, менеджмент совместных предприятий, биржевые маклеры, торговцы недвижимостью; 2) политический (госслужащие, офисные работники, менеджмент государственных предприятий, юристы); 3) культурно-образовательный (ученые и преподаватели, медиаперсоны, интеллектуалы, эксперты)» [Li, 2010, p. 5]. В похожем ключе Л. Чунлин выделяет внутри китайского среднего класса четыре социальные группы: 1) частные предприниматели (*класс капиталистов*), 2) люди свободных профессий, менеджеры и государственные чиновники (*новый средний класс*), 3) мелкие работодатели, владельцы малого бизнеса, самозанятые (*старый средний класс*); 4) низкооплачиваемые «белые воротнички» и другие работники (*маргинальный средний класс*) [Chunling, 2010, p. 143]. Как отмечает Г. Гилл, представители этих групп «могут иметь разные, иногда конфликтующие интересы и в защите своих интересов действовать совершенно по-разному» [Gill, 1998, p. 308–309].

Таким образом, определение структуры российского среднего класса и анализ ценностей различных его сегментов – задача не менее важная, чем выявление ценностных отличий между средним классом и другими слоями общества.

Средний класс и государство в России

Исходя из сказанного, в России следует ожидать особенно резких ценностных расхождений между той частью среднего класса, положение которой зависит от государства, и той, которая занята в частном секторе. Как подчеркивает М. Голдман, «сами по себе высокие доходы – не гарантия того, что средний класс будет сопротивляться произволу властей. Вероятность сопротивления выше тогда, когда буржуазия не обязана своим доходом государству» [Goldman, 2006, p. 322].

Отсюда вывод: поддержка средним классом демократии не есть нечто непреложное, она обусловлена происхождением, численностью и отношениями с другими классами и государством [Chen, Lu, 2011, p. 706]. Если средний класс экономически зависит от государства, он скорее будет соблюдать статус-кво и поддерживать авторитарный режим, однако если государство начнет угрожать его благополучию и собственности, он выступит за демократические реформы.

Во времена Б. Ельцина государство контролировалось крупным бизнесом, во времена В. Путина крупный бизнес сам большей частью попал под контроль государства. Политическое устройство России можно определить как разновидность государственного корпоратизма, характеризующегося слиянием экономики и политики [Yakovlev, 2006]. В частности, многие из кремлевской верхушки входят в состав управляющих органов крупнейших корпораций, особенно в нефтегазовом секторе. Кроме того, согласно Л. Даймонду, в странах, где доходы элит сильно зависят от экспорта нефти и газа – в точности как в российском случае, – представители среднего класса это «не предприниматели с независимым складом ума; скорее всего, они работают на государство и зависят от него» [Diamond, 2008, p. 75]. В силу этого, заключает исследователь, в обществе «так и не возникает классического мотора демократической вестернизации – буржуазии, т.е. независимого класса капиталистов. Бизнес-класс поглощается правящей элитой, в результате чего политический и предпринимательский классы перемешиваются друг с другом» [ibid., p. 77].

Зависимость российского среднего класса от государства подтверждается цифрами и фактами. В 2013 г. государственный сектор охватывал более половины российской экономики и, согласно данным Росстата, обеспечивал рабочими местами 19 млн человек (25,7% экономически активного населения; в 2009 г. – 24,6%) [Ryzhkov, 2014, p. 1]. По данным С. Мареевой, в 2014 г. 68% представителей ядра среднего класса работали на государство и только 13% были заняты в частном секторе [Мареева, 2014 б, с. 6]. Более того, если рассмотреть профессиональную структуру среднего класса, обнаружится, что численность государственных чиновников, сотрудников охраны, руководителей и работников госпредприятий увеличилась за 2007–2011 гг. на треть. В частности, в 2011 г. к среднему классу принадлежали 76,6% менеджеров

государственных предприятий (в 2007 г. – только треть). Среди военных и сотрудников правоохранительных органов доля среднего класса выросла с 25% в 2007 г. до 44% в 2011 г. [Овчарова, 2013, с. 10].

Средний класс и политический протест

Как отмечает Г. Робертсон, протесты 2011–2013 гг. не были первыми массовыми выступлениями путинской эпохи [Robertson, 2012, p. 2]. По данным Фонда развития гражданского общества, гораздо бо́льшая протестная активность наблюдалась в 2010 г.: если с января по октябрь 2012 г. было зафиксировано 4456 протестных акций, то за тот же период 2010 г. – в 7,5 раза больше (33 350) [Новая протестная волна, 2012, с. 4]. Однако акции 2010 г. проходили главным образом за пределами Москвы и «в большинстве своем были вызваны социально-экономическими проблемами, в том числе касающимися социальных выплат» [Robertson, 2012, p. 2]. Протестные акции 2011–2013 гг., напротив, имели политические лозунги и были сосредоточены в основном в Москве [Ross, 2015], хотя и не ограничивались столицей – например, 10 декабря 2011 г. массовые демонстрации состоялись в 99 городах [Аналитический отчет... 2013], а 4 февраля 2012 г. – в 113 [Aron, 2013, p. 66].

Более того, если прежде в протестах участвовали в основном рабочие, то в 2011–2013 гг. на первый план вышел средний класс. Как отмечает Г. Робертсон, образовалось глубокое и устойчивое размежевание «между более состоятельными и образованными горожанами, еще точнее – москвичами и петербуржцами, и остальной страной» [Robertson, 2012, p. 4]. Опросы показывали, что «россияне с университетским образованием и средним или высоким уровнем достатка гораздо более озабочены вопросами коррупции, морального упадка и ущемлением гражданских прав. Рабочих и менее образованных россиян, напротив, больше волнуют экономические проблемы, рост цен, бедность, безработица и т.п.» [Robertson, 2012, p. 4].

По данным регулярных опросов Левада-центра, большинство участников пяти демонстраций, прошедших с декабря 2011 г. по июнь 2013 г., принадлежали к высокообразованным (доля имеющих высшее образование – от 70 до 80%), но не самым со-

стоятельным слоям периферии среднего класса. Причем подавляющее большинство из них относило себя к демократам или либералам. Более того, с декабря 2011 г. по июнь 2013 г. число «демократов» среди них выросло с 38 до 50%, а либералов – с 31 до 46%. В целом же на весну-лето 2013 г. либеральных взглядов придерживались 9–12% населения [Политические взгляды россиян, 2013].

Пропутинские митинги

Остановимся коротко и на массовых митингах в поддержку В. Путина. По данным МВД, в январе – марте 2013 г. состоялось 94 митинга, в которых приняло участие 777 тыс. человек, в том числе 385 тыс. – в Москве [Новая протестная волна, 2012]. Наиболее массовый митинг прошел 4 февраля 2012 г. на Поклонной горе – около 140 тыс. человек. Есть свидетельства, что многие участники оказались там не по собственному желанию – их или заставили, или «простимулировали». Как отмечали Р. Смит, А. Соболев и И. Соболева, «Кремль привлекал участников методом кнута и пряника, обещая отгулы и угрожая увольнением работникам госпредприятий и учреждений. Он также подвозил в столицу провинциальную молодежь, поселяя ее в пригородах и гарантируя тем самым ее мобилизационную готовность». Вместе с тем «обеспечение участия в пропутинских митингах отнюдь не сводилось к мобилизации людей со стороны» [Smyth, Sobolev, Soboleva, 2013, p. 4] – там было немало искренних сторонников президента.

Фокус-группы Левада-центра (декабрь 2011 г. и апрель 2012 г.), а также опросы А. Бикбова [Бикбов, 2012] показали, что большинство участников массовых акций – как антипутинских, так и пропутинских – имели схожие социально-экономические и демографические характеристики. Этим подтверждается тезис о неоднородности российского среднего класса и ставится под сомнение точка зрения о «двух Россиях» – пропутинской «популистской», состоящей в первую очередь из рабочих, и антипутинской «креативной» – с преобладанием представителей среднего класса.

По данным проекта «Евробарометр» (табл. 2), 15,9% респондентов, принадлежащих к среднему классу, участвовали в протестных акциях, а 8,4% – в пропутинских; оба показателя значительно выше, чем доля участников акций среди населения в целом.

Таблица 2

**Участие среднего класса в протестных и пропутинских акциях
2011–2012 гг. (опрос в рамках проекта «Евробарометр
в России» за 2012 г.; 6 тыс. респондентов по всей стране)**

	Средний класс (%)	Население в целом (%)
Участники протестных акций	15,9	2,1
Участники пропутинских митингов	8,4	0,9

Источник: [Мисихина, 2014, с. 83].

Политические ценности среднего класса

Когда российских граждан спрашивают, нужна ли России демократия, доля отвечающих «да» стабильно превышает 60%. Но что понимают россияне под демократией? Результаты многочисленных опросов показывают, что для большинства граждан демократия ассоциируется скорее с социальной справедливостью, экономической защищенностью и общественным порядком, нежели с классическими либеральными принципами. Как отмечает А. Макаркин, в России демократия «рассматривается скорее как источник общественных благ, чем как набор механизмов, гарантирующих защиту прав меньшинств. Для российских граждан политическая демократия важна не как набор абстрактных “свобод”, а лишь постольку, поскольку она способна приносить ощутимую материальную выгоду» [Makarkin, 2011, p. 1471].

Как видно из таблицы 3, когда опрашиваемым предлагали выбрать желаемый сценарий развития страны (можно было давать более одного ответа), наиболее предпочтительным вариантом для среднего класса (49%) был «социальная справедливость, сильное государство, заботящееся о своих гражданах» (56% для населения в целом). На втором месте стояло «возвращение России статуса великой державы» (35% представителей среднего класса, 31% населения в целом); на третьем – «возвращение к национальным традициям, моральным ценностям, проверенным временем» (34% среднего класса, немногим более 32% населения в целом). Вариант «права человека, демократия, свобода самовыражения личности» занял только четвертое место (34% среднего класса, 27% насе-

ния в целом). «Обеспечение стабильности и развития в обществе без революций и потрясений» выбрали 27% представителей среднего класса и 20% населения в целом (пятое место). На шестом месте оказался вариант «Россия в первую очередь для русских», на седьмом – «свободный рынок и частная собственность».

Таблица 3

Какой сценарий будущего развития страны для Вас предпочтителен? (опрос 2014 г., можно было давать более одного ответа)

	Средний класс (%)	Население в целом (%)
1. Социальная справедливость, сильное государство, заботящееся о своих гражданах	49	56
2. Возвращение России статуса великой державы	35	31
3. Возвращение к национальным традициям, моральным ценностям, проверенным временем	34	32
4. Права человека, демократия, свобода самовыражения личности	33	27
5. Обеспечение стабильности и развития в обществе без революций и потрясений	27	29
6. Россия в первую очередь для русских	16	20
7. Свободный рынок, частная собственность, минимум вмешательства государства в экономику	14	10

Источник: [Мареева, 2014 а, с. 101].

Сходную картину выявил В. Петухов, анализируя данные опроса 2014 г. (табл. 4): 69% респондентов из среднего класса предпочитают реформам стабильность (как и 70% населения в целом) и лишь менее половины настаивают на неприкосновенности политических свобод и демократии при любых обстоятельствах (48%, среди населения в целом – 40%). Более того, 52% согласны с тем, что Россия нуждается в «сильной руке», способной навести порядок в стране (59% населения в целом).

Три четверти (75%) опрошенных представителей среднего класса выразили поддержку режиму В. Путина (73% населения в целом). Практически все остальные (24%) высказались за смену режима (27% населения в целом). Молодежь (до 30 лет) поддерживала режим в меньшей степени, чем старшее поколение (68% против 77%); молодые люди также чаще высказывались за его де-

монтаж (31% против 23%), больше симпатизировали демократическим ценностям (49% против 44%) и меньше – идее «сильной руки» (51% против 55%); среди них меньшинство предпочитало реформам стабильность (55% против 73%).

Таблица 4

Средний класс о демократии и стабильности

	Средний класс (%)	Молодое поколение среднего класса (моложе 30 лет) (%)	Старшее поколение среднего класса (старше 40 лет) (%)	Население в целом (%)
При всех своих недостатках нынешняя власть все-таки заслуживает поддержки	75	68	77	73
Нынешняя власть должна быть заменена во что бы то ни стало	24	31	23	27
России необходима «твердая рука», которая наведет в стране порядок	52	51	55	59
Политические свободы, демократия – это то, от чего нельзя отказаться ни при каких обстоятельствах	48	49	44	40
Страна нуждается в стабильности, это важнее, чем перемены	69	55	73	70

Источник: [Петухов, 2014, с. 187].

Поддержка западного пути развития

Согласно данным С. Мареевой (табл. 5), в 2014 г. только 34% ядра и 32% периферии среднего класса считали, что россияне должны жить по законам и правилам, действующим в западных странах (25% населения в целом), – это существенно ниже, чем в 2003 г., когда такого мнения придерживались 43% ядра и 34% периферии. Однако для возрастной категории моложе 30 лет эта доля в 2014 г. была выше – 42%, тогда как для людей старше 40 она упала до 25%.

Таблица 5

**Динамика уровня поддержки западного пути развития:
2003 и 2014 гг.**

	Ядро среднего класса (%)	Периферия (%)	Население в целом (%)	Моложе 30 лет (%)	Старше 40 лет (%)
2003	43	34	24	-	-
2014	34	32	25	42	25

Источник: [Мареева, 2016. с. 59].

Следует отметить, что опросы проводились после присоединения Крыма, в момент патриотического подъема и резкого роста поддержки В. Путина. Однако поддержка средним классом В. Путина и «партии власти» была высока и на протяжении всего последнего десятилетия. «Единая Россия» позиционировала себя как партия среднего класса и пользовалась электоральной поддержкой 42,4% его представителей (в среднем) (табл. 6).

Таблица 6

**Поддержка средним классом политических партий
на думских выборах 2011 г.**

	Низший средний класс (%)	Средний средний класс (%)	Высший средний класс (%)	Население в целом (%)
Не голосовали	34,6	31,5	18,1	33,5
«Единая Россия»	38,7	40,1	48,6	39,2
КПРФ	10,2	7,8	4,2	9,4
ЛДПР	6,2	4,1	8,3	5,6
«Справедливая Россия»	4,0	5,1	8,3	4,4
«Патриоты России»	0,3	0,2	4,2	0,3
«Правое дело»	0,4	2,9	2,8	1,1
«Яблоко»	0,7	1,2	4,2	0,8
Недействительные бюллетени	0,6	1,0	1,4	0,8
Нет ответа	4,3	6,2	0	4,8

Источник: [Мисихина, 2014, с. 80].

Более того, средний класс оказал значительную поддержку В. Путину на президентских выборах 2012 г. (табл. 7): за него проголосовали 50,2% среднего класса, в том числе 56,9% его

высшего слоя. М. Прохорову отдали предпочтение лишь 6,8 и 9,7% соответственно, а лидеру КПРФ Г. Зюганову – 6 и 1,4%.

Таблица 7

Поддержка средним классом кандидатов на президентских выборах 2012 г.

	Низший средний класс (%)	Средний средний класс (%)	Высший средний класс (%)	Население в целом (%)
Не голосовали	31,0	27,5	15,3	29,8
В.В. Путин	46,1	47,7	56,9	46,7
В.В. Жириновский	4,6	3,5	5,6	4,3
Г.А. Зюганов	8,3	6	1,4	7,6
С.М. Миронов	2,6	4,2	8,3	3,1
М.Д. Прохоров	2,8	6,8	9,7	4
Недействительные бюллетени	1	0,8	2,8	0,9
Нет ответа	3,7	3,4	0	3,6

Источник: [Мисихина, 2014, с. 81].

Политические ценности различных слоев среднего класса

Предметом упомянутых выше опросов были ценности среднего класса в целом, различия между его отдельными слоями не брались в расчет. Общероссийских опросов, базирующихся на четырех-составной классификации среднего класса, не проводилось. Исследование Б. Макаренко (2010) дало хорошие результаты, но оно опиралось на полуструктурированные интервью (120 респондентов), а не на массовые опросы. Выяснилось, в частности, что стремление к демократии более присуще интеллигенции и менеджменту крупных компаний, тогда как малый бизнес и прежде всего госслужащие (особенно в Москве) заинтересованы в ней в наименьшей степени [Макаренко, 2010].

Противники демократии были обнаружены главным образом среди высших слоев государственной бюрократии и высокопоставленных управленцев наиболее прибыльных и инновационных предприятий. Те и другие усматривают в демократии угрозу своему привилегированному положению. Более того, отмечает Б. Макаренко, «средний класс продолжает колебаться между потребностью в боль-

шей демократичности, в которой он видит инструмент обуздания бюрократических, коррупционных и антиправовых тенденций, и страхом нарушения стабильности и управляемости в случае ослабления властной вертикали» [Макаренко, 2010, с. 57]. Исследование подтверждает наличие ценностных расхождений между предпринимателями и той частью среднего класса, которая зависит от государства, но, что еще важнее, – между представителями различных социальных и профессиональных групп в государственном и частном секторах. Изучение структуры и характера политических ценностей этих групп и уровня поддержки ими власти либо оппозиции потребует большой работы.

Заключение

Российский средний класс, и особенно его молодое поколение, более склонен к поддержке демократических ценностей, чем население в целом. Однако зачастую эта разница невелика. Как и более широкие социальные слои, средний класс предпочитает демократическим свободам стабильность и экономическую безопасность. Любопытно, что в своем большинстве представители среднего класса симпатизируют идее «сильной руки», кроме того, они оказывают бо́льшую поддержку «Единой России» и режиму В. Путина, чем население в целом. Подобные настроения вполне понятны – с учетом турбулентного характера развития постсоветской России. Путин умело сыграл на страхе россиян, что любая смена в руководстве страны неизбежно отбросит ее к «ужасам ельцинской эпохи».

Поддержку средним классом власти можно объяснить разными причинами. Многие руководствуются «позитивными» стимулами, поскольку полагают, что режим дает им то, в чем они нуждаются. Другие поддерживают власть лишь выбирая «меньшее зло» – нарушение их политических прав и свобод они рассматривают как цену, которую приходится платить за порядок и стабильность. Наконец, третьи просто не видят выбора, предпочитая привычное зло неизвестности.

Тем не менее средний класс далеко не един, и его различные профессиональные и возрастные страты придерживаются разных ценностных установок. Некоторые представители его предприни-

матерью составляющей недовольны тем, что государство монополизировало управление экономикой, а все инвестиции идут в нефтегазовый сектор, где отношения между бизнесом и властью наиболее непрозрачны. Другие, особенно интеллигенция и работники культурной сферы, удручены высоким уровнем коррупции, урезанием гражданских свобод, отсутствием независимого суда, а также честных и свободных выборов. Их уже не устраивает неформальный договор между властью и обществом, предполагающий молчаливую поддержку режима в обмен на стабильность и экономический рост. Вполне может оказаться, что эти граждане привержены тем самым «постматериалистическим ценностям», о которых писал Р. Инглхарт [Inglehart, 1997], ведь именно эта страна поддержала в 2011 г. протестное движение.

Наконец, третьи, прежде всего госчиновники и работники госсектора, наверняка опасаются больших потерь в случае смены режима. Напомним, что В. Путин, вернувшись в 2012 г. на президентский пост, подписал «майские указы», существенно повышающие зарплаты для значительной части занятых в госсекторе.

Вместе с тем сегодня средний класс начинает ощущать последствия глубокой экономической рецессии, в которую вступила Россия. При этом «украинский фактор» по-прежнему обеспечивает В. Путину высокий уровень общественной поддержки. И это тоже знак, предостерегающий оппозицию от массовых протестов. Опросы показывают, что доля граждан, готовых участвовать в акциях в защиту своих экономических прав, снизилась с 35% в феврале 2012 г. до 18% в октябре 2014 г., а доля готовых участвовать в политических акциях – с 33 до 14% [Акции протеста, 2015].

Однако «украинский фактор» не будет действовать вечно, и очередные выборы могут стать катализатором для новой волны протестов. Самым тревожным сценарием для режима В. Путина является возникновение единого протестного движения, в котором молодые и более радикальные представители среднего класса объединят усилия с рабочим классом. До сих пор эти два течения существовали раздельно: требования рабочих касались главным образом хлеба насущного, тогда как средний класс выступал с более политизированными лозунгами. Если эти два течения объединятся, для режима В. Путина возникнет гораздо более серьезная угроза, чем в 2011–2013 гг.

Наиболее вероятный сюжет, однако, состоит в том, что режиму удастся сохранить поддержку большинства среднего класса, который по привычке отдаст предпочтение поддержанию статус-кво, а не непредсказуемым последствиям смены режима и революционных потрясений.

В конце концов, само по себе существование среднего класса вовсе не гарантирует победы демократии. Многое зависит от таких вещей, как происхождение, размер, сплоченность, чувство экономической безопасности и особенно – отношение к государству. Взаимовлияние этих факторов решающим образом скажется на поведении среднего класса, которое может стать как *реформистским* (если государство посягнет на интересы этой страты), так и *консервативным* (если государство будет эти интересы защищать).

Список литературы

- Акции протеста: Атрибуты демократии или признаки кризиса в обществе? / ВЦИОМ. – М., 2015. – 23 января, пресс-выпуск № 2758. – Режим доступа: <http://old2.wciom.ru/index.php?id=459&uid=115126> (Дата посещения: 09.07.2016.)
- Аналитический отчет о проведении социологического исследования «Динамика: 2012–2013» / О.В. Крыштановская, В.И. Шалак, М.Ю. Коростиков, Н.С. Евсегнеева. – М., 2013. – 2 августа. – Режим доступа: <http://gefter.ru/archive/9579> (Дата посещения: 09.07.2016.)
- Бикбов А. Методология исследования «внезапного» уличного активизма (российские митинги и уличные лагеря, декабрь 2011 – июнь 2012) // *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. – М., 2012. – № 2. – С. 130–163. – Режим доступа: <http://www.soclabo.org/index.php/laboratorium/article/viewFile/41/60> (Дата посещения: 18.06.2016.)
- Городской средний класс в современной России: Аналитический доклад / Под ред. М.К. Горшкова. – М.: Институт социологии, 2006. – 163 с. – Режим доступа: http://www.isras.ru/analytical_report_middleclass.html (Дата посещения: 13.06.2016.)
- Макаренко Б.И. Средний класс и демократия // *Средний класс после кризиса. Экспресс-анализ взглядов на политику и экономику* / Григорьев Л.М., Макаренко Б.И., Салмина А.А., Шаститко А.Е. – М.: МАКС Пресс, 2010. – С. 21–66.
- Малева Т.В., Овчарова Л.Н. Российские средние классы накануне и на пике экономического роста // *Российские средние классы накануне и на пике экономического роста* / Под ред. А.Е. Шаститко, С.В. Авдашевой, М.А. Овчинниковой, Т.М. Малевой и Л.Н. Овчаровой. – М.: Экон-Информ, 2008. – С. 7–102.
- Мареева С.В. Российский средний класс о желательном векторе развития страны // *Средний класс в современной России: 10 лет спустя* / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. – М.: Институт социологии РАН, 2014 а. – С. 98–111.

- Мареева С.В.* Численность и состав среднего класса в современной России // Средний класс в современной России: 10 лет спустя / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. – М.: Институт социологии РАН, 2014 б. – С. 8–20.
- Мареева С.В.* Ценности и мировоззрение среднего класса // Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований / Под общ. ред.: М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. – М.: Весь мир, 2016. – С. 131–154.
- Мисихина С.Г.* Социально-экономические характеристики и ценностно-политические ориентиры среднего класса в Российской Федерации: Препринт. – М.: РАНХиГС, 2014. – 144 с.
- Новая протестная волна: Мифы и реальность: Доклад Фонда развития гражданского общества. – М.: ФоРГО, 2012. – 6 декабря. – Режим доступа: <http://civilfund.ru/mat/view/37> (Дата посещения: 17.06.2016.)
- Овчарова Л.Н.* Социально-экономическая стратификация и гражданское общество. – М.: Центр анализа доходов уровня жизни: НИУ ВШЭ, 2013. – 20 с. – Режим доступа: http://www.socpol.ru/news/docs/Yaroslav1_23042013.pdf (Дата посещения: 09.07.2016.)
- Петухов В.* Политические и социальные перемены в стране и их восприятие средним классом // Средний класс в современной России: 10 лет спустя / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. – М.: Институт социологии РАН, 2014. – С. 181–193.
- Политические взгляды россиян / Левада-центр. – М., 2013. – 23 сентября. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/2013/09/23/politicheskie-vzglyady-rossiyan> (Дата посещения: 17.06.2016.)
- Средний класс в современной России: 10 лет спустя / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. – М.: Институт социологии РАН, 2014. – 222 с. – Режим доступа: http://www.isras.ru/analytical_report_sredny_klass_10_let_spustya.html (Дата посещения: 08.07.2016). Опубликована в печатном виде: Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. – М.: Весь Мир, 2016. – 368 с.
- Тихонова Н.Е.* Влияние кризиса на жизнь российского среднего класса // Общественные науки и современность. – М., 2016. – № 4. – В печати.
- Aron L.* The long struggle for freedom // Journal of democracy. – Washington, 2013. – Vol. 24, N. 3. – P. 62–74.
- Chen J.* Attitudes toward democracy and the political behaviour of China's middle class // China's emerging middle class beyond economic transformation / Li Ch. (ed.). – Washington, D.C.: Brookings institution press, 2010. – P. 334–358.
- Chen J., Lu Ch.* Democratisation and the middle class in China: The middle class's attitude towards democracy // Political research quarterly. – Salt Lake City: Utah, 2011. – Vol. 64, N 3. – P. 705–719.
- Chen J.* A middle class without democracy. Economic growth and the prospects for democratization in China. – Oxford: Oxford univ. press, 2013. – 210 p.
- Chunling L.* Characterising China's middle class: heterogeneous composition and multiple identities // China's emerging middle class beyond economic transformation / Li Ch. (ed.). – Washington, D.C.: Brookings institution press, 2010. – P. 135–156.

- Diamond L.* The spirit of democracy: The struggle to build free societies. throughout the world. – N.Y.: Henry Holt and Company, 2008. – 448 p.
- Dickson B.J.* China's cooperative capitalists: the business end of the middle class // China's emerging middle class beyond economic transformation / Li Ch. (ed.). – Washington, D.C.: Brookings institution press, 2010. – P. 291–309.
- Doorenspleet R.* Development, class and democracy: is there a relationship? // Development and democracy: what have we learned and how? / Elgstrom O., Hyden G. (ed.). – L.; N.Y.: Routledge, 2002. – P. 48–64.
- Gill G.* Democratization, the bourgeoisie and Russia // Government and opposition. – Cambridge, 1998. – Vol. 33, N 3. – P. 307–329.
- Goldman M.I.* Russia's middle class muddle // Current history. – Philadelphia, 2006. – N 105. – P. 321–326.
- Gontmakher Ye., Ross C.* The middle class and democratisation in Russia // Europe-Asia studies. – Glasgow, 2015. – Vol. 67, N 2. – P. 269–284.
- Inglehart R.F.* Modernization and postmodernization, cultural, economic and political change in 43 societies. – Princeton: Princeton univ. press, 1997. – 464 p.
- Inglehart R.F., Welzel C.* Modernization, cultural change and democracy: The human development sequence. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2005. – 344 p.
- Jensen D.* In search of Russia's middle class. – Institute of modern Russia, 2013. – Mode of access: <http://imrussia.org/en/society/467-in-search-of-russias-middle-class> (Дата посещения: 09.07.2016.)
- Li Ch.* Introduction: The rise of the middle class in the Middle Kingdom // China's emerging middle class beyond economic transformation / Li C. (ed.). – Washington, D.C.: Brookings institution press. 2010. – P. 3–31.
- Makarkin A.* The Russian social contract and regime legitimacy // International affairs. – L., 2011. – Vol. 87, N. 6. – P. 1459–1475.
- Moore B.Jr.* Social origins of dictatorship and democracy: lord and peasant in the making of the modern world. – L.: Allen Lane, Penguin univ. books, 1966. – 596 p.
- Petrov V.* Is Russian society waking up // PONARS Eurasia. Policy Memo. – N.Y., 2012. – N 213. – Mode of access: http://www.ponarseurasia.org/sites/default/files/policy-memos-pdf/pepm_213_Petrov_Sept2012.pdf (Дата посещения: 09.07.2016.)
- Remington T.* The Russian middle class as policy objective / National Council for Eurasian and East European research. Working paper. – Washington, 2010. – 14 December. – 45 p. – Mode of access: http://www.ucis.pitt.edu/nceeer/2010_825-06_Remington.pdf (Дата посещения: 09.07.2016.)
- Robertson G.* Russian protesters: not optimistic but here to stay // Russian analytical digest. – Bremen, 2012. – 20 June, N 115. – P. 2–4. – Mode of access: http://www.laender-analysen.de/russland/rad/pdf/Russian_Analytical_Digest_115.pdf (Дата посещения: 09.07.2016.)
- Ross C.* Middle class support for democracy and political protests in Russia // Civil society awakens? The systemic and non-systemic opposition in the Russian Federation: national and regional dimensions / Cameron Ross (ed.). – Farnham: Ashgate, 2015. – P. 77–96.
- Rueschemeyer D., Stephens E.H., Stephens J.D.* Capitalist development and democracy. – Chicago: Univ. of Chicago press, 1992. – 398 p.

- Russian state and society in political crisis / S. Belanovsky, M. Dmitriev, S. Misikhina, T. Omelchuk. – Moscow: Centre for strategic research, 2012. – 159 p.
- Ryzhkov V.* Putin can't afford his middle class base // Moscow Times. – Moscow, 2014. – 7 July. – Mode of access: <http://www.themoscowtimes.com/opinion/article/putin-cant-afford-his-middle-class-base/503118.html> (Дата посещения: 09.07.2016.)
- Smyth R., Sobolev A., Soboleva I.* Patterns of discontent: Identifying the participant core in Russian post-election protest: Paper prepared for the conference «Russia's winter of discontent: Taking stock of changing state-society relationships». – Uppsala: Uppsala Univ. (Sweden), September 6–7, 2013. – 32 p.
- The global middle class, views on democracy, religion, values, and life satisfaction in emerging nations. – Washington: The pew global attitudes project, 2009. – 29 p. – Mode of access: <http://www.pewglobal.org/files/2009/02/Global-middle-class-FINAL.pdf> (Дата посещения: 09.07.2016.)
- Zubarevich N.* Are the emerging middle classes the key to success? The middle class and political demands in Russia: Paper delivered to the Coface country risk conference, Paris, 22 January, 2013. – Mode of access: <http://www.coface-usa.com/Our-Products/Assess-Countries-and-Sectors/Country-Risk-Conferences> (Дата посещения: 09.07.2016.)
- Yakovlev A.* The evolution of business: state interaction in Russia: from state capture to business capture? // Europe-Asia studies. – Glasgow, 2006. – Vol. 58, N 7. – P. 1033–1056.

Перевод с англ. Ю.Г. Коргунюка